

УДК 39(=51)

А. В. Егоров, А. Е. Загребин

УРАЛИСТИКА=АЛТАИСТИКА:

**Б. БАРАТОШИ-БАЛОГ – МЕЧТАТЕЛЬ,
ЭТНОГРАФ И МУЗЕЕВЕД***

Стремление к героизации народной истории и культуры ярко проявилось в европейской историографии в период активного нациестроительства и зарождения национальных государств. Поиски родства с великими предками и свидетельств «золотого века» имели важное значение для патриотически настроенных ученых, являясь отправным пунктом растущей экспедиционной активности. В романтическом контексте обозначилась проблема доказательства этногенетического родства финно-угорских, шире – урало-алтайских народов, и поставлен вопрос об общей прародине. В полевых исследованиях М. А. Кастрена, А. Регули, Ш. Кёрёши Чома, А. Вамбери сталкивались все противоречия в подходах к интерпретации фактов драмы этнической идентификации финнов и венгров. Таким образом, идеологическая и научная составляющие, вкуче образовали своеобразный дискуссионный клуб «на полях» газет и журналов, учебных и справочных материалов, и в ментальных установках нескольких поколений финно-угроведов, уралоистов и алтаистов.

Одним из оригинально мыслящих и нетривиально подходящих к организации полевой этнографической работы среди урало-алтайских народов был венгерский путешественник, музеевед и популяризатор науки Бенедек Баратоши-Балог (1870–1945).

Ключевые слова: урало-алтайские исследования, экспедиции, тунгусо-манчжурские народы, Дальний Восток, музейные коллекции, Венгрия.

Этническая идентичность является одной из самых сложных предметных областей в современной этнологии, порой приобретающей политизированный оттенок, особенно когда речь доходит до позиционирования в историческом времени и историографическом пространстве. В истории науки о народах и культурах никак не обойтись без постановки вопросов, как и при каких обстоятельствах,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 15-13-6-19 «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI вв.)».

носители определенной этничности осознают собственную «значимость» и когда эту «значимость» осознают их соседи, и в силу каких мотиваций ученые включаются в строительство этнических идентичностей?

Ранняя история венгерской этнологии во многом связана с разработкой проблем самоидентификации венгров, акцентирующей внимание на времени предшествующем основанию венгерского государства на Дунае [Гуя 1974]. Уже на протяжении многих лет ведется дискуссия о местонахождении «колыбели венгерского народа» и об этапах движения этноса на Запад*. Сделанные еще

* В 1236 г. венгерский монах-доминиканец, брат Юлиан вернулся в Венгрию с сенсационным известием о том, что, следуя с группой миссионеров по Волге, он встретился с местной женщиной-венгеркой, которая была замужем за волжским болгаринном. Она сообщила Юлиану о своих соотечественниках, которые кочевали к востоку от Волги. См., подробнее: *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 71–112.

Это сообщение стало объектом научной критики после обнаружения отчета самого Юлиана, записанного его братом по ордену Рихардом, найденного в 1695 г. в Ватикане венгерским монахом-иезуитом М. Челешом. См. подробнее: *Vásáry I.* A jezsuita Cseles Márton és a Julianus-jelentés. Középkori kútfőink kritikus kérdései. Budapest, 1974.

«Венгры брата Юлиана» чаще всего воспринимаются учеными в качестве группы, отделившейся от основной массы венгерского народа, в ходе его миграции в Карпато-Дунайский регион, которая осталась на территории Великой Болгарии и затем слившись с тюркоязычными болгарами. Другой источник, датируемый рубежом XII–XIII вв., известный как «Деяния» Венгерского Анонима, как будто в зеркальном отражении, сообщает о прибытии в Пешт в X в. некоторых болгарских вождей. Перечисляя их имена, источник сообщает, что болгары поселились среди мадьяр. См.: *Эрдели И.* Волжские болгары и венгры // *Finno-Ugrica*. 1998. № 1. С. 13–14.

Наличие древних тюркизмов (булгаризмов) в венгерском языке и наводило на мысль о тесных этнических контактах между предками современных венгров, чувашей и башкир на территории Поволжья и Приуралья. Популярности поволжско-приуральских исследований в области венгерской предыстории добавляло наличие в регионе многочисленных топонимов на «мищер», «маджар», «можар», что фонетически близко венгерскому самоназванию – мадьяры. См., например: Венгерские ученые о чувашском языке. Чебоксары, 1979. Реальность таких контактов подкреплялась наличием двух венгерских племенных названий «Еней» и «Дьярмат» в башкирской этнонимии. См.: *Гапиров Т. М., Кузеев Р. Г.* Башкиро-мадьярская проблема // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Вып. 1. С. 336–343; *Németh J.* Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren // *Acta Linguistica Hungarica*. 1966. Vol. 16. S. 1–21; *Mándoky Kongur I.* The question of identifying the Hungarian tribal name Jenő with the Bashkir ethnonim Yänäy // *Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae*. 1988. Vol. 42. P. 43–48.

Оппозиционная точка зрения на проблему венгерской прародины опиралась на источниковедческий анализ высказывания византийского императора Константина VII Багрянородного о том, что венгров называли прежде «сафарт-асфальм», что, до некоторой степени, соотносится с названием тюрков-савиров, кочевавших на юге Западной Сибири. Савирское, или сабирское влияние отмечается также в мифологии родственных венграм по языку обско-угорских народов. См.: *Барта А.* На каком языке говорили венгры в 10 веке? // Материалы VI Конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 29–30; *Вереш П.* Древневенгерская эпоха // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1996. Vol. 41. С. 11–14.

в эпохи Ренессанса и Просвещения первичные компаративные опыты, касавшиеся определения родства венгерского языка, указывали на восточное направление будущих поисков [Hüfner 1975; Stipa 1990; Zaicz 1970]. Теперь же требовалось проверить в поле истинность теоретических построений и найти древнюю историю венгров, пока что скрытую в песнях, обрядах и лицах ныне живущих народов. Целая плеяда венгерских ученых-путешественников посвятила себя этим поискам.

В последнее время в уралистике и финно-угроведении возрос интерес к выявлению «забытых текстов» и малоизвестных исследований [Загребин 2014; Карм, Загребин 2014; Денисов, Загребин 2015; Карм, Загребин 2015]*. В этом ряду и ранее не публиковавшиеся на русском языке работы венгерских этнографов, в частности: ученика З. Фрейда, Гезы Рохейма [Рохейм 2012] и многих других, предоставляя отечественному читателю богатый, прежде почти неизвестный материал. Одним из первопроходцев венгерских полевых этнографических исследований был ученый родом из Трансильвании Б. Баратоши-Балог, чьи поездки по пространствам Евразии простирались, где он повсюду искал и «находил» родственные народы.

Бенедек Балог родился 4 апреля 1870 г. в д. Лецфалва области Харомсек. Школьное и гимназическое образование он получил в Секейкерестуре, Надъезде и Коложваре. Уже тогда примером для него был выдающийся венгерский путешественник Шандор Кёрёши Чома, чей путь в науке он хотел повторить [Le Calloc'h 1984]. Молодые годы Баратоши Балог провел в поездках по Европе, пользуясь расположением семьи барона Вешелени. В 1899 г. обосновался в Будапеште, чтобы заняться подготовкой к дальним экспедициям на Восток, зарабатывая на жизнь преподавательским трудом.

В 1903 г., заручившись поддержкой Общества изучения Центральной и Восточной Азии, Б. Баратоши-Балог отправляется в свою первую экспедицию на Дальний Восток. Как шутят сами венгры, «руководствуясь своеобразным трансильванским складом ума», он начинает с другого «края света»: двигаясь с востока на запад, пытается напасть на след древних венгров. Первоначально он прибывает в Японию, после ознакомления с которой, переплывает море, чтобы начать путь домой через Манчжурию и Восточную Сибирь. Но во время его нахождения во Владивостоке началась русско-японская война, затем в 1905 г. русская революция, которая вынудила его вернуться на родину. Эти беспокойные события на некоторое время воспрепятствовали его экспедиционным планам. Однако уже в 1907 г. он вновь

В любом случае, венгерским ученым, занимающимся вопросами этногенеза еще со времени компаративных лингвистических исследований Я. Шайновича и Ш. Дьярмати было ясно, что грамматические и лексические сопоставления, как и этимологические опыты, должны постепенно расширяться за счет привлечения полевых материалов, данных археографии, этнографии, фольклористики, а позднее и археологии.

* Различие в терминах – «уральский» и «финно-угорский» имеет, кроме всего, хронологическое содержание. Первым термином обозначается период существования еще не разделившейся уральской языковой общности, включавшей в себя предков современных финно-угорских и самодийских народов. После отделения самодийцев, образуется и длительное время функционирует финно-угорская этноязыковая общность, поиски месторасположения которой были частью общей проблемы финно-угорской прародины. См. подробнее: *Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. С. 144.

во Владивостоке, на лодке контрабандиста переправляясь в Корею. В 1908 г. на берегах Амура он упорно изучает языки и образ жизни коренных народов. В своем отчете этнограф делится воспоминаниями о трудностях полевой работы (болезнь, налаживание отношений с местными жителями), а также подробно описывает собранные и привезенные им коллекции, насчитывающие сотни экспонатов [Baráthosi 1910, 168–173]. Продолжение дальневосточных странствий планировалось на 1909 г., но ему помешала разразившаяся в крае эпидемия брюшного тифа. В 1914 г. исследователь снова в Японии, отправившись оттуда в Амурскую область, но по причине начавшейся Первой мировой войны он как подданный Австро-Венгрии был интернирован русскими военными властями. В конечном счете, ему удалось вернуться на родину, но собранный им в той поездке этнографический материал пришлось оставить в Сибири. Примечательно, что ученые-исследователи его научного творчества особенно ценят результаты дальневосточных экспедиций, отмечая превосходные этнографические рисунки и зафиксированный языковой материал [Diószegi 1947, 144–146; Hoppál 1996; Hoppál 1996/2002, 185–202; Csoma 2009, 111–124].

Хотя Б. Баратоши-Балог отправился в свои дальневосточные экспедиции, чтобы исследовать древнюю историю венгров, после поездок не опубликовал обобщающих научных работ по этой проблематике. В то же время он издал путеводитель по Японии «*Dai Nippon. Чудеса Востока*» [Baráthosi 1906]. Позднее, благодаря популярности книги, появилось новое научно-популярное, богато иллюстрированное издание «*Прогулка вокруг света*» [Baráthosi 1907] и роман «*Приключенческое путешествие трех трансильванских студентов вокруг света*» [Baráthosi 1907a]. Примечательно, что в ходе своих поездок на Дальний Восток он обращался к тематике, связанной с жизнью европейских финно-угров. Первоначально это были краткие официальные сообщения и рапорты и лишь спустя годы этнограф более подробно расскажет о своих наблюдениях в четвертом и пятнадцатом томе основной им «*туранской*» серии.

Став в 1927 г. директором общеобразовательной школы в Будапеште, Б. Баратоши-Балог задумал издать серию небольших монографий, в которых в доступной, в том числе и для детей, форме отобразилось бы его исследовательское мировоззрение – «*туранизм*». За 1928–1932 гг. автором было подготовлено 16 томов, 17-й том вышел в 1937 г., а 18-й – лишь в 1942-м. Перечислим их в запланированной автором последовательности:

1. Turáni regék és mondák a világ teremtéséről. Budapest, 1928.
2. Bolyongások a mandsur népek között. Budapest, 1930.
3. Khina lelke. Budapest, 1930.
4. Szuomi. – Eszti. (finn–eszt testvérföldön) Budapest, 1931.
5. Vázlatok török testvéreink történetéből. Budapest, 1928.
6. Japánföldi bolyongások. Budapest, 1928.
7. Szumirok, szittyák, östuránok. Budapest, 1929.
8. Korea, a hajnalpír országa. Budapest, 1929.
9. Khinai vizeken. Budapest, 1930.
10. Japán, a felkelő nap országa. Budapest, 1930.
11. Mongolok–burjátok. Budapest, 1930.
12. A hunok három világbirodalma. Budapest, 1930.

13. Déli turánok (Indiák, Tibet, Elő-Ázsia). Budapest, 1930.
14. Hun utódok, elpusztult hunos véreink. Budapest, 1931.
15. Kisebb finn-ugor véreink. Budapest, 1931.
16. Baskirok, tatárok. Budapest, 1932.
17. A magyar nemzet igaz történelme. III. rész: a magyarság kigyilkolása a Habsburgok alatt. Budapest, 1937.
18. Kisebb törökös véreink. Bolgárok. Budapest, 1942.

Из этих книг вырисовывается древнеисторическая концепция Б. Баратоши-Балога. Он был открыт для любой научной информации, но порой наивно, без лингвистической подготовки, брался за проблему финно-угорского языкового родства. Он пишет о своем неопитстве вполне откровенно: «Нет смысла отрицать, что и я колебался в споре между приверженцами тюркского и финского родства и старался смотреть раскрытыми глазами» [Baráthosi 1931, 103]. Для большинства современников его книги содержали новую информацию о родственных связях венгерского языка, о происхождении венгров, о «сумирах», скифах, гуннах, булгарах и «прочих древних туранах». Авторы времен завоевания венграми родины именуют венгров тюрками, башкирами, венгерские хроники XII–XIII вв. пишут о гуннско-венгерском родстве, внешнее название венгров происходит от названия народа *оногур* и т. п. Исходя из этих названий, Баратоши-Балог считал родственниками венгров все урало-алтайские народы, живущие на землях от Финляндии до Дальнего Востока.

Восприятие Б. Баратоши-Балогом финно-угорской проблематики ярко открывается в четвертом томе его сочинений, названном «Суоми – Эсти (на земле финско-эстонских родственников)». Привлекает внимание то, что он еще в студенческие годы совершил множество велосипедных туров по Европе. Пароход из Германии доставил их на север, однако без разрешительных документов им не позволили сойти на берег. В конце концов, в Торнио судьба послала им нового товарища – Анти Ялава, который пришел на помощь. Между описанием прибытия и приключенческого возвращения домой через Ригу и Данциг ничего неизвестно о том, чем занимался автор в поездке и с какой целью посещал Финляндию. В конце концов, он раскрывает тот факт, что через десять с небольшим лет, вновь оказался в Финляндии. В начале главы «На земле карелов» Балог пишет, что второе его финское путешествие началось весной 1908 года. В действительности «второе путешествие» представляло собой лишь короткий визит по пути во Владивосток. В тоже время, избранный маршрут оказался далеко не простым. В конце апреля он выехал из Санкт-Петербурга в обход Карелии с финским и коми-зырянским коллегами [Baráthosi 1927, 11–12]. Сначала они плыли по Ладожскому озеру до Сортавалы, затем направились в Йоэнсуу. Побывав у родственников финского друга, путники направились еще севернее, через городок Нурмес и далее до д. Юликоля.

Помимо событий путешествия, Б. Баратоши-Балог знакомит читателя с образом жизни и привычками финнов, пишет о бане по-черному, пасхальных обычаях и свадьбе. В своих описаниях он опирался на труды классиков финского родиноведения – А. Альквиста и З. Топелиуса. Отрывочность имевшихся у него сведений подтверждается тем, что в 160-страничной книге, посвященной финнам и эстонцам, последним отведены только 32 страницы, в которые входит геогра-

фическое и экономическое описание страны, некоторое количество исторических данных и вкратце анализируется схожесть финского и эстонского языков.

В 1931 г. выходит в свет новая «туранская» книга Б. Баратоши-Балога «Наши малые финно-угорские сородичи» [Baráthosi 1931]. В ней в девяти главах даются сведения о семи финно-угорских народах, восьмая повествует о ненцах, а в заключительной главе говорится о древних верованиях финно-угров. Эти главы содержательно неоднородны, согласно тому, какой объем информации был в распоряжении автора. Особо лаконичны главы о марийцах и удмуртах, больше напоминающие словарные статьи. Проблема здесь не с наполнением, а с соотношением: сообщение о саамах основывается лишь на отчете Ф. Батори, мордовская же часть дает сведения лишь о свадебных обрядах. Тексты о коми-зырянах и ненцах содержат описание третьего путешествия Б. Баратоши-Балога к финно-уграм. Примечательно, что он был среди зырян в одно время с известным в будущем венгерским финно-угроведом Д. Фокошем-Фуксом.

Б. Баратоши-Балог лишь одной журнальной статьей сообщает о финно-угорской экспедиции в контексте своих дальневосточных странствий. Он пишет, что 5 июля 1911 г. поездом с несколькими пересадками, он добрался до станции Котлас, в устье р. Вычегды. Затем на пароходе продолжил путь до г. Усть-Сысольск [Baráthosi 1912]. Две недели он находился в городе, затем, вновь сев на пароход, отправился в обратный путь, но лишь до Яренска, откуда на телеге двинулся в междуречье Мезени и Вашки. Балог точно называет встреченные во время поездки селения и почтовые станции, отмечая расстояние между ними. Желая встретиться с ненцами, арендовал лодку и вышел в море. Обойдя известные места их стоянок, он попытался напасть на след кочевников, и это ему на этот раз удалось. Прибыв в Архангельск, исследователь поездом вернулся домой.

Двадцать лет спустя в своей книге Б. Баратоши-Балог напишет, что Венгерская комиссия Международного Центрально- и Восточноазиатского Общества поручила ему организовать экспедицию к коми-зырянам и ненцам: «Я сам летом 1911 года посетил самоедов, живущих в самой западной части Канинского полуострова. Я бродил уже где-то в глубине полуострова, когда Доннер Кай со стороны финнов приступил к исследованию самоедских племен, живущих на самом востоке. Я провел среди них лишь несколько недель и в середине сентября мне снова удалось вернуться. Доннер, в отличие от меня, имел большое преимущество в том, что у него были и деньги, и свобода действий, и экипирован он был лучше меня и мог провести там всю зиму и все следующее лето. Но моим преимуществом было то, что я знал русский и немного самоедский языки, что дало возможность даже несмотря на короткое время добиться определенных результатов на ниве лингвистических записей. Исследования Доннера были опубликованы в большом красивом томе. Мне не так повезло, чтобы сообщить о своих результатах, и, помимо официального доклада, в этих нескольких строках я могу увековечить свою поездку» [Baráthosi 1931]. Из этой поездки им было привезено для Этнографического музея около тысячи экспонатов: вещей и фотографий. Сама же книга содержит ценные сведения о ненецких верованиях, почерпнутых из личного общения с шаманом.

Б. Баратоши-Балог приобрел множество ценных вещей, таких как ненецкий чум и различные рабочие инструменты. Им был проведен сбор лингвистического

материала: составлен словник, записаны сказки. В книге «Собрания Этнографического музея» сообщается: «Значимая финно-угорская коллекция связана с именем Бенедекта Баратоши-Балога, выдающегося исследователя маньчжуро-тунгусских языков. В 1912 году из северо-восточно-европейской экспедиции им доставлено в музей более 700 зырянских и ненецких вещей (...) Около половины ненецкого материала с Канинского полуострова, среди которого множество ценных изделий из оленьей кожи, например, покрывало для шатра, сапоги, шубы. Собраны как охотничьи инструменты, так и рыболовные снасти, кроме того, особое внимание было обращено и на вещные атрибуты религиозного мира. Уникальную ценность представляют собранные им детские игрушки, большая часть которых вместе с остальными финно-угорскими вещами была представлена посетителям выставки игрушек в Музее спорта в 1996 г., затем экспонировались в Кечкемете, в Музее игрушки Сорокатунас. Ненецкая коллекция Б. Баратоши-Балога фактически является неопубликованной. Кроме того, благодаря экспедиции Б. Баратоши-Балога по России в 1912 г. Этнографический музей получил отличный зырянский материал от зырян, проживавших недалеко от Канинского полуострова, на европейской стороне Северного Урала. <...> Б. Баратоши-Балог не ставил перед собой сознательную цель собирания зырянского материала, поэтому собранная им коллекция вещей поистине может считаться восполняющей данный пробел. Его собрание охватывает почти всю сферу жизни зырян, ибо, помимо рыбацких снастей и охотничьих приспособлений, оно включает в себя предметы одежды, тканые ковры, украшения, утварь, посуду, игрушки и культовые предметы. Ценность коллекции увеличивается благодаря точному описанию места их бытования и большого количества фотографий, иллюстрирующих их использование, сделанных Б. Баратоши» [Eugórá-gyűjtemény 2000].

Глава книги «Наши малые финно-угорские сородичи» о коми-зырянах, помимо официальных данных, наполнена описаниями приключенческих подробностей поездки и несколькими зафиксированными Б. Баратоши-Балогом сказками. Он описывает и то, как происходит обрусение зырян, каким образом власти препятствуют обучению детей на родном языке. Глава о ненцах повествует о дальнейших событиях 1911 г.: празднество по поводу конца света, поиски кочевников, точнее преследование – ибо коренные жители посчитали, что их ищут русские сборщики податей, поэтому исчезли с облюбованных ими мест. Б. Баратоши-Балог сообщает и том, что в тундре Канинского полуострова живут не только ненцы, но и зыряне, бежавшие туда с берегов Печоры от чумы скота.

Большая часть «туранских книг» Б. Баратоши-Балога не вторгается в политику и содержит полезную научно-популярную информацию. Однако у книг есть своя история... На их дальнейшую судьбу, возможно, повлиял тот авторский прием, при котором не указывались цитируемые источники. Таким образом, эти книги как носители тайного, недоступного знания проявлялись в авантюрном мировоззрении отдельных его читателей. Впервые книги о гуннах и Габсбургах переиздали аргентинские венгры [Baráthosi 1974, 1976a]. После политических преобразований, в Венгрии вновь переиздали его гуннские и шумеро-скифские книги. Несмотря на то, что он не написал ничего кардинально нового, спустя 80 лет после первого издания его работы ожили вновь.

ЛИТЕРАТУРА

Гуя Я. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 28–41.

Денисов В. Н., Загребин А. Е. «Забытые голоса» Первой мировой войны // Вопросы истории. 2015. № 10. С. 130–136.

Загребин А. Е. «Забытые тексты» экспедиций В.Н. Белицер к удмуртам // Уральский исторический вестник. 2014. № 4. С. 127–131.

Карм С., Загребин А. Е. Кузубай Герд и его эстонские корреспонденты // Вестник Удмуртского университета. 2014. Серия 5: История и филология. Вып. 1. С. 118–127.

Карм С., Загребин А. Е. Не/известное этнографическое финно-угроведение: эстонская история // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 4-1. С. 36–44.

Рохейм Г. Материалы к понятию «волшебная сила» в финно-угристике; пер. с венг. А. В. Егорова, Л. В. Ширококовой. Ижевск: ERGO, 2012. 56 с.

Baráthosi B. B. Dai Nippon. I–III. 1. Útirajzok. 2. Történet. Földrajz. 3. Irodalom. Budapest: Korvin, 1906. 479 l.; 448 l.; 367 l.

Baráthosi B. B. Séta a világ körül (1000 képpel és színes térképpel). Budapest: Magyar Kereskedelmi Közlöny, 1907. 478 l.

Baráthosi B. B. Három székely diák kalandos utazása a Föld körül. Budapest: Magyar Kereskedelmi Közlöny, 1907a. 174 l.

Baráthosi B. B. Baráthossy-Balogh Benedek jelentése az 1908 évben az Alsó-Amurnál végzett tanulmányútról // Keleti Szemle. 1910. 168–173. old.

Baráthosi B. B. Baráthosi Balogh Benedek jelentése az 1911-ik év nyarán tett zürjén és szamojéd néprajzi tanulmányútról // Keleti Szemle. 1912. 347–352. old.

Baráthosi B. B. Szuomi – Eszti (finn–eszti testvérföldön). Budapest, 1927. 158 l.

Baráthosi B. B. Kisebb finn-ugor véreink. Budapest, 1931. 160 l.

Baráthosi B. B. A hunok három világbirodalma. Buenos-Aires: “Magyar Őskutatás” Kiadása, 1974. 162 l.

Baráthosi B. B. Elpusztult hunos véreink. Buenos-Aires, 1976. 164 l.

Baráthosi B. B. Magyarirtó Habsburgok. Buenos-Aires: Magyar Kultúra” Kiadása, 1976a. 174 l.

Csoma M. Baráthosi-Balogh Benedek a Csozon-dinasztia végnapjait élő Koreai-félszigetről // Távol-keleti Tanulmányok. 2009/1. 111–124. old.

Diószegi V. Egy magyar mandzsu-tungúz kutató. Baráthosi-Balogh Benedek † // Ethnographia. 1947. 144–146. old.

Európa-gyűjtemény // A Néprajzi Múzeum gyűjteményei. Budapest, 2000. 447–479. old.

Hoppál M. Távoli utakon. Film. 1996-97. (42 min.).

Hoppál M. Távoli utakon. Budapest: Néprajzi Múzeum, 1996. 126 old.

Hoppál M. Baráthosi Balogh Benedek élete és munkássága // Keletkutatás. 1996. ősz; 2002. tavasz. 185–202. old.

Hüfner L. Samuel Gyarmathi (1751–1830) und seine Bemühungen um die grammatische Komponente der Finnougristik // Nyelvtudományi Közlemények. 1975. Vol. 77. S. 57–65;

Le Calloc'h B. Alexandre Csoma de Kőrös et la theorie finno-ougrienne // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1984. Vol. 79. S. 25–46.

Ruttkay-Miklán E. Die uralischen Forschungen des Ungarn Benedek Baráthosi Balogh // Europa et Sibiria: Gedenkband für Wolfgang Veenker / Szerk. C. Hasselblatt, P. Jääsalmi-Krüger. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 51. Wiesbaden, 1999. S. 373–380.

Stipa G. J. Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1990. Vol. 206. S. 28–32; 208–216.

Szinnyei J. Jalava Antal külső tag emlékezete. Budapest, 1916.

Zagrebin A. Main stages of the Udmurt ethnography as a part of Finno-Ugric ethnology // *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Book of Abstracts. Oulu, 2015. P. 190–191.*

Zaicz G. The Etymologist Sajnovics // *Acta Linguistica Academiae scientiarum Hungaricae. 1970. Vol. 20. P. 323–327.*

Поступила в редакцию 15.11.2017

Егоров Александр Викторович,

кандидат филологических наук,

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4

e-mail: egorov@udnii.ru

Загребин Алексей Егорович,

доктор исторических наук, профессор РАН,

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4

e-mail: zagreb72@izh.com

A. V. Yegorov, A. E. Zagrebin

**Uralic Studies = Altaic Studies. B. Baráthosi-Balog – a Dreamer,
Ethnographer and Museum Keeper**

A desire for glorification of people's history and culture was vividly manifested in the European historiography during the period of active nations building and emergence of national states. The search for kinship with great ancestors and evidence of the "golden age" were important for the public-spirited scholars as a starting point for the growing expeditionary activity.

In that romantic context the problem of the proof of the ethno-genetic relationship of the Finno-Ugric, wider – the Ural-Altaic peoples, and the question of the common ancestral homeland were raised. All the contradictions in the approaches of interpreting the facts of the ethnic identification drama between the Finns and Hungarians collided in M. A. Castrén, A. Reguly, Sándor Csoma de Kőrös and H. Vámbéry's field studies.

Thus, ideological and scientific components together formed a kind of debating society in the field of newspapers and magazines, educational and background materials, as well as in the mental attitudes of several generations of Finno-Ugric scholars, specializing in Ural and Altai studies.

The Hungarian traveler, museum keeper and popularizer of science B. Baráthosi-Balog (1870–1945) became one of the innovatively thinking scholars, nontrivially approaching to the field ethnographic work among the Ural-Altai peoples.

Keywords: Ural-Altaic studies, expeditions, Tungusic peoples, Far East, museum collections, Hungary.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 4, pp. 128–138. In Russian.

REFERENCES

Gulya J. *Prarodina finno-ugrov i razdeleniye finno-ugorskoj etnicheskoy obshnosti* [The ancestral homeland of the Finno-Ugrians and the partition of the Finno-Ugric ethnic community].

Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics]. Moscow, Nauka, 1974. Vol. 1, pp. 28–41. In Russian.

Denisov V. N., Zagrebin A. E. «Zabytyye golosa» Pervoy Mirovoy voyny [«Forgotten voices» of the First World War]. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2015, no. 10, pp. 130–136. In Russian.

Zagrebin A. E. «Zabytyye teksty» ekspeditsiy V. N. Belitser k udmurtam [“The forgotten texts” of V. N. Belitser’s expeditions to the Udmurts]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [The Urals Historical Herald]. 2014, no. 4 (45), pp. 127–131. In Russian.

Karm S., Zagrebin A. E. *Kuzebay Gerd i ego estonskie korrespondenty* [Kuzebay Gerd and his Estonian correspondents]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University]. 2014, no. 5-1, pp. 118–127. In Russian.

Karm S., Zagrebin A. E. *Neizvestnoe etnograficheskoe finno-ugrovedenie: estonskaya istoriya* [Unknown Finno-Ugric ethnography: Estonian history]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University]. 2015, no. 4-1, pp. 36–44. In Russian.

Róheim G. *Materialy k ponyatiyu “volshebnyaya sila” v finno-ugristike* [Materials for the concept of “magic power” in the Finno-Ugric Studies]; Transl. from Hungarian by A. V. Yegorov, L. V. Shirobokova. Izhevsk: ERGO, 2012. 56 p. In Russian.

Baráthosi B. B. *Dai Nippon. I–III. 1. Útirajzok. 2. Történet. Földrajz. 3. Irodalom* [Dai Nippon. 1. Travelogue. 2. History. Geography. 3. Literature]. Budapest: Korvin, 1906. 479 p.; 448 p.; 367 p. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *Séta a világ körül (1000 képpel és színes térképpel)* [Walk Around the World (1000 colorful images and maps)]. Budapest: Magyar Kereskedelmi Közlöny, 1907. 478 p. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *Három székely diák kalandos utazása a Föld körül* [The adventurous journey of three transylvanian students around the Earth]. Budapest: Magyar Kereskedelmi Közlöny, 1907a. 174 p. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *Baráthossi-Balogh Benedek jelentése az 1908 évben az Alsó-Amurnál végzett tanulmányútról* [Report of Benedek Baráthossi-Balogh about his study trip to the Low Amur in 1908]. *Keleti Szemle* [East Review]. 1910. Pp. 168–173. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *Baráthossi Balogh Benedek jelentése az 1911-ik év nyarán tett zürjén és szamojéd néprajzi tanulmányútról* [Report of Benedek Baráthossi-Balogh about his ethnographic study trip to the Zyryans and Samoyeds in the summer 1911]. *Keleti Szemle* [East Review]. 1912. Pp. 347–352. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *Szuoimi – Eszti (finn–eszt testvérföldön)* [Suomi – Eesti (on the Finnish and Estonian land)]. Budapest, 1927. 158 p. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *Kisebb finn-ugor véreink* [Our little Finno-Ugric relatives]. Budapest, 1931. 160 p. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *A hunok három világbirodalma* [Three world empires of the Huns]. Buenos-Aires: “Magyar Őskutatás” Kiadása, 1974. 162 p. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *Elpusztult hunos véreink* [Our destroyed Hun Relatives]. Buenos-Aires, 1976. 164 p. In Hungarian.

Baráthosi B. B. *Magyarirtó Habsburgok* [Habsburgs who killed Hungarians]. Buenos-Aires: “Magyar Kultúra” Kiadása, 1976a. 174 p. In Hungarian.

Csoma M. *Baráthossi-Balogh Benedek a Csozon-dinasztia végnapjait élő Koreai-félszigetről* [Benedek Baráthossi-Balogh about the Joseon Dynasty last days living in the Korean Peninsula]. *Távol-keleti Tanulmányok* [Far East Studies]. 2009/1. Pp. 111–124. In Hungarian.

Diószegi V. *Egy magyar mandzsu-tungúz kutató. Baráthossi-Balogh Benedek †* [A Hungarian researcher of Tungusic languages. Benedek Baráthossi-Balogh]. *Ethnographia* [Ethnography]. 1947. Pp. 144–146. In Hungarian.

Hoppál M. *Távoli utakon* [On the long roads]. Film. 1996-97. (42 min.) In Hungarian.

Hoppál M. *Távoli utakon* [On the long roads]. Budapest, 1996. 126 p. In Hungarian.

Hoppál M. *Baráthosi Balogh Benedek élete és munkássága* [Life and work of Benedek Baráthosi Balogh]. *Keletkutatás* [Eastern Research]. 1996. ősz; 2002. tavasz. Pp. 185–202. In Hungarian.

Hüfner L. *Samuel Gyarmathi (1751–1830) und seine Bemühungen um die grammatische Komponente der Finnougristik* [Samuel Gyarmathi (1751–1830) and his efforts on the grammatical component of Finno-Ugrics]. *Nyelvtudományi Közlemények* [Linguistics publications]. 1975. Vol. 77. Pp. 57–65. In German.

Le Colloc'h B. *Alexandre Csoma de Kőrös et la théorie finno-ougrienne* [Alexandre Csoma de Kőrös and the Finno-Ugric Theory]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* [Journal of the Finno-Ugric Society]. 1984. Vol. 79. Pp. 25–46. In French.

Ruttkay-Miklái E. Die uralischen Forschungen des Ungarn Benedek Baráthosi Balogh [The Uralic researches of the Hungarian researcher Benedek Baráthosi Balogh]. *Europa et Sibiria: Gedenkband für Wolfgang Veenker / Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica* [Europa et Siberia: Commemorative volume for Wolfgang Veenker / Publications of Societas Uralo-Altaica], Band 51. Wiesbaden, 1999, pp. 373–380. In German.

Stipa G. J. *Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neopositivismus* [Finnish-Ugric language research from the Renaissance to Neo-Positivism]. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* [Memoirs of the Finno-Ugric Society]. 1990. Vol. 206, pp. 28–32; 208–216. In German.

Szinnyei J. *Jalava Antal külső tag emlékezete* [Remembrance of the external member Antal Jalava]. Budapest, 1916. In Hungarian.

Európa-gyűjtemény [Europe-Collection]. *A Néprajzi Múzeum gyűjteményei* [Collections of the Ethnographic Museum]. Budapest, 2000, pp. 447–479. In Hungarian.

Zagrebin A. Main stages of the Udmurt ethnography as a part of Finno-Ugric ethnology. *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Book of Abstracts. Oulu, 2015. pp. 190–191. In English.

Zaicz G. The Etymologist Sajnovics. *Acta Linguistica Academiae scientiarum Hungaricae*. 1970. Vol. 20, pp. 323–327. In English.

Received 15.11.2017

Yegorov Aleksandr Viktorovich,

Candidate of Sciences (Philology),

Udmurt Institute of History, Language and Literature,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

4, ul. Lomonosov, Izhevsk, 426004, Russian Federation

e-mail: yegorov@udnii.ru

Zagrebin Aleksei Yegorovich,

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS,

Udmurt Institute of History, Language and Literature,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

4, ul. Lomonosov, Izhevsk, 426004, Russian Federation

e-mail: zagreb72@izh.com

УДК 39(439)

3. Надь

В ПОИСКАХ РОДНЫХ СРЕДИ ЧУЖИХ. ВЕНГЕРСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В РОССИИ В ПЕРИОД АВСТРО-ВЕНГРИИ

В статье анализируются этнографические исследования венгерских ученых в России на рубеже XIX–XX в. Научные изыскания, связанные с территорией России, занимают особое место в венгерской этнографии. Изучение востока было продиктовано стремлением воссоздать древнюю историю мадьяр: поиском сородичей. Интерес к такого рода проблемам во многом был продиктован положением Венгрии в империи Габсбургов, развитием капиталистических отношений, пробуждением венгерского национального самосознания. В изучении проблемы происхождения венгерского народа важное внимание уделялось языку. К кон. XIX в. финно-угорское происхождение венгерского языка для ученых стало очевидным. Осколки древней истории мадьяр стали искать в культуре финно-угорских народов. Было организовано несколько экспедиций для изучения обских угров. В отличие от европейских и российских исследований, венгерское изучение хантов и манси ориентировалось не на поиск экзотики и особенных этнических черт, а на изучение общего в культурах мадьяр и обских угров. Кроме того, Россия привлекала венгерских этнографов с точки зрения поисков прародины венгров, реконструкции путей их миграций, а также характера культурного их взаимодействия с другими народами до обретения родины. Сформировавшийся на рубеже XIX–XX вв. этнос венгерских этнологических исследований в России определял направление венгерских исследований до нач. 1990-х гг. Одна из причин – в том, что с началом Первой мировой войны регулярные венгерские исследования на территории России практически прекратились, и возобновятся только в нач. 1990-х гг.

Ключевые слова: венгерская этнография, венгерские этнографы, Австро-Венгрия, Россия, финно-угры, венгры, история этнографии, прародина венгров, ханты, манси.

В венгерских этнологических изысканиях особая роль всегда отводилась исследованиям, нацеленным на восток: на Россию – или проходящим через Россию. Венгрия никогда не была колониальной империей, так что исследования «чужих» культур не могли быть сфокусированы на подчиненных стране территориях. Интерес венгерских исследователей отпределялся в первую очередь тем, что на востоке они предполагали и искали родственников венгерского языка и народа. Об этой